

Если в подрядной записи не было указания брать или не брать таможенные пошлины с государева груза, то между «проводчиками» и таможенниками возникали споры, и по этому поводу им приходилось апеллировать в московские приказы. До середины 1630-х гг., как правило, с государевых грузов таможенные пошлины не брали, а после для увеличения доходности таможен сухоходвинского речного пути они стали взиматься, что и оговаривалось в подрядных и поручных записях⁹.

Интересным моментом взаимоотношений винокуров и кабацкой администрации при подрядных договорах на изготовление вина выступают случаи, когда кабацкие головы для контроля за процессом производства вина и выполнением условий подряда посылали на частные винокурни кабацких смотровых целовальников. В 1630-х гг. по государевой грамоте вологодскому кабацкому голове Ивану Горбову с товарищи предписывалось «винное курение у уговорщиках в их поварнях для береженья надзирать и целовальнику... быть безотступно, покаместо те уговорщики то вино искурят, чтобы больше того уговорного вина... не курили и в отвоз никуды, и тутошным людям вина не продавали»¹⁰.

Таким образом, вологодские винокуры в XVII в. выступали как в качестве наёмной рабочей силы – «стряпцов» в казённых и частных винокурнях, так и в роли предпринимателей – уговорщиков, поставляющих вино в государевы кабаки. В этом случае винокурение было для них простым товарным производством. При подрядах они оговаривали для себя выгодные условия по цене готового продукта и по стоимости его доставки, что способствовало их обогащению. Государству это было также выгодно, потому что оно продавало вино населению в кабаках по монопольным ценам, и кабацкая прибыль являлась важной статьёй государственного бюджета. Совпадение интересов производителя-продавца и покупателя в лице государства осуществлялось в традиционных рамках позднего российского средневековья.

⁹ РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 41 (1636 г.), л. 1.

¹⁰ Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей... С. 215.

Расторжение браков в татарском мусульманском обществе в конце XIX – начале XX века

Лилия Габдрафикова

Пореформенная эпоха для всего российского общества стала временем серьёзных изменений как в экономической, так и в социальной сфере. Нарушение общинных связей вело к ослаблению общественного контроля, усиленные темпы урбанизации диктовали иные правила поведения, отличные от традиционных представлений о браке и семье. Как отмечает исследовательница «женского вопроса» в России Бианка Пиетров-Эннкер, во второй половине XIX в. в целом изменилось отношение женщин к браку: «Идеальным считалось иметь

мужа-партнёра. Если он им не оказывался, то “новая женщина” оставляла за собой право идти собственным путем»¹. В результате среди феминисток было достаточно матерей-одиночек. «Скромные и невидимые обязанности жены, матери и хозяйки перестали увлекать русскую образованную женщину», – отмечал в 1900 г. журнал «Церковный вестник»². Эти же тенденции прослеживались и в татарском мусульманском обществе. «Вслед за Казанью и другие большие города наполнились женскими рабочими руками. Положение женщины сделалось более независимым в семье, более устойчивым, она стала вести свободную открытую жизнь. Страх за завтрашний день исчез. Патриархальные устои семейной жизни татар мало-помалу уступали место свободе нравов», – писал о 1880-х гг. современник³.

В отличие от христианства в исламе разводы всегда были допустимы. Историк Саид Вахиди в 1920-х гг. собрал внушительную коллекцию актов о разводах татар-мусульман в 1842–1917 гг.⁴ Разводные письма давал мулла. «Чаще всего муллы записывают разводы со следующими формулировками “не было любви взаимной (симпатии)” или “непослушная, не уважала мужа”» – отмечал в начале XX в. казанский врач Алексей Сухарев⁵. Разводы могли быть нескольких видов: талак (когда инициатор – мужчина), хлюг (когда уходит женщина). Более частыми являлись разводы-хлюг, так как в этих случаях мужчины несли наименьшие затраты. Когда уходила жена, почти всё имущество, в том числе и принадлежавшее жене, оставалось у мужа.

Среди магометан Уфимской губ. за 1887 г. было оформлено 1 602 развода. При этом в большинстве случаев прибегали к хлюгу, к талаку – лишь 400 раз. Хотя весьма маловероятно, чтобы в мусульманском обществе разводы так часто инициировались женщинами. В том же году было заключено 9 336 браков⁶. Таким образом, распадался почти каждый шестой брак. Конечно, надо учитывать, что мусульманское сообщество Уфимской губ. не было однородным, оно состояло не только из татар, но и башкир, среди которых разводы также имели место. При этом, как пишет исследовательница Юлия Иликеева, разведённым башкиркам никогда не грозило одиночество, так как у них число мужчин было больше, чем женщин. Однако общественное мнение осуждало разводы, считая их непристойным явлением⁷. Статистика остальных регионов была немного другой. Например, в Астрахани в 5-м полицейском участке в 1891 г. проживало всего 5 337 татар, из них состояли в браке 2 668 человек, только 7 человек были в разводе; в 6-м участке проживали 4 896 татар, из них в браке были 2 295 человек, 4 человека – в разводе⁸. Исправник г. Касимова Рязанской губ. в разговоре

¹ *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 305.

² Цит. по: *Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века.* М., 2001. С. 31.

³ *Неджиб.* Пробуждение русских татар и их литература // *Современник.* 1911. Кн. 4. С. 171.

⁴ Научный архив Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, ф. 53, оп. 2, д. 9.

⁵ *Сухарев А.А.* Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. С. 55.

⁶ Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа, 1888. С. 23–24.

⁷ *Иликеева Ю.* Башкирская семья в XVIII – начале XX века // *Ватандаш.* 2011. № 3. С. 64–65.

⁸ Ведомости о личном составе населения, дворовых участках, строениях и квартирах г. Астрахани, составленные на основании результатов однодневной переписи 20 января 1891 года. Астрахань, 1895. С. 12–13.

с заезжим петербургским публицистом заметил, что у местных татар разводов практически не бывает: «Ведь развестись у них, плевое дело, ничего не стоит, а тем не менее разводов нет. – Чем же вы это объясняете? – Патриархальным бытом. И потом не видят в этом запрещения – их и не соблазняет», – заключил исправник⁹. Хотя, конечно же, и в Касимове в 1880-х гг. разводы иногда случались¹⁰. Относительно невелико было число разводов среди мусульман и в Казани¹¹.

Сама процедура расторжения брака отличалась значительной простотой. Для развода достаточно было при свидетелях произнести несколько специальных слов. Поэтому иногда случались казусы, когда мужчина произносил эти слова случайно, в эмоциональном порыве, а потом жалел о содеянном поступке. Так, в 1884 г. житель Лаишевского уезда Казанской губ. Мухаметша Ходяшев, находясь в нетрезвом состоянии в гостях у тестя, при посторонних людях три раза выкрикнул жене «талак». Супруга подала прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание с требованием развода. Местные муллы поддержали её намерение, и Ходяшевых развели. Вероятно, жена намеревалась сама разойтись с мужем, но для неё выгоднее было получить развод-талак. Муж вскоре решил обжаловать решение духовного собрания в губернском правлении, однако его прошение оставили без внимания, так как гражданские органы старались не вмешиваться в дела духовных учреждений, особенно когда дело касалось инородцев¹².

Большинство мусульман считало именно законы шариата наиболее оптимальными для решения семейных проблем. «Подчинение брачных дел судам гражданским вызовет большие осложнения и умственные брожения среди магометан, привыкших к строгому исполнению и повиновению постановлениям Корана и шариата, – полагали в 1903 г. видные татарские купцы, собравшиеся на Нижегородской ярмарке. – Это брожение, несомненно, отразится неблагоприятным образом прежде всего на самом институте брачного союза, который в данном случае... может не только не окрепнуть, но и совсем расшататься». Они передали в Оренбургское духовное магометанское собрание длинное прошение, в котором выступили против передачи процедуры разводов в гражданские судебные инстанции. Интересно, что они опасались увеличения лёгких и необдуманных разводов¹³. В дальнейшем различные нюансы развода, по делу же имущества и попечению о детях, осуществлялись как через Оренбургское магометанское духовное собрание, так и через окружные суды.

Сохранилось немало архивных дел, где в центре разбирательства – вопрос о присвоении бывшим мужем либо приданого, либо калыма (даров со стороны жениха)¹⁴. В 1902 г. один из земских начальников Спасского уезда Казанской губ. был вынужден даже обратиться в губернское правление со специальным докладом «о неблагополучии в семьях татар и принятии мер к их укреплению». В нём говорилось, что участились случаи, когда «муж, желая воспользоваться

⁹ Тертигорев С.Н. Лакейская столица // Исторический вестник. Т. 32. СПб., 1888. С. 76–77.

¹⁰ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦИА РБ), ф. И-295, оп. 3, д. 9361, л. 1–23.

¹¹ Исхаков Д.М. Татарское население города Казани во второй половине XVI – начале XX в. (Этнодемографический очерк) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 83.

¹² Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. 1, оп. 3, д. 6074, л. 2–5.

¹³ ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 547, л. 5 об.

¹⁴ Там же, оп. 3, д. 11265, л. 2.

приданным жены и жениться на второй, не давая первой развода, начинает жестоко с ней обращаться и наносить ей побои, вынуждая этим её уйти от мужа саму». Если бы муж сам выступал инициатором развода, то он не имел бы права воспользоваться приданным. Некоторые мужчины, кроме оставшегося за ними имущества, требовали от жён за выдачу им развода ещё и дополнительной платы. Казанское губернское присутствие обратилось в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой, чтобы муллы оказали «нравственное воздействие на мужей магометан для улучшения отношений их к своим жёнам»¹⁵.

Порой, когда между супругами не было взаимной любви, сохранить семью помогала вторичная женитьба мужа, т.е. поощрялось многожёнство. Но, вероятно, не все жёны соглашались жить так, особенно, если у женщины была поддержка состоятельных родителей или родственников. В таких случаях наиболее оптимальным представлялся развод. Судя по всему, мусульманки смело расторгли брак под влиянием родственников. В Оренбургское магометанское духовное собрание со всех концов России поступали жалобы тестя или тещи на «недостойное, грубое поведение» зятя в семье, на побои и притеснения¹⁶. Иногда в качестве жалобщиков выступали братья жены. Брошенные мужья обычно жаловались на уход жены «под влиянием тестя» или «родственников»¹⁷.

Разводились чаще всего в самом начале совместной жизни пары без детей. Так, счастливый и долгий брак крымского просветителя Исмаила Гаспринского с дочерью симбирского фабриканта Зухрой Акчуриной был для него не первым. Впервые он женился еще в 1876 г., но через несколько лет развёлся. В 1882 г. Гаспринский вступил в брак с Акчуриной и прожил с ней около 20 лет¹⁸. Иногда распадалась и семьи с детьми. Например, сын казанского купца Исхака Юнусова Габделькарим вспоминал о том, как «отец женился на дочери Ибрагима Суброва. Спустя некоторое время развёлся, поскольку они друг друга не любили. От этого брака осталась дочь Асьма». После развода ребёнок остался с отцом, и воспитывался уже в его новой семье¹⁹. Разведена была и представительница знаменитой казанской торговой династии Бибифахрибану Апанаева, до того состоявшая в браке с купцом Сулейманом Мишкиным. Бибифахрибану воспитала дочь Зайнаб и в 1899 г. выдала её замуж за известного общественно-го деятеля Хади Максуди²⁰.

В 1905 г. казанская жительница Сахибкамал Галиуллина вместе с родственниками провернула афёру с разводом. С двумя свидетелями и с посторонним мужчиной, которого попросили сыграть роль её мужа Мухаметсадыка Габдулвалиева, она пришла к мулле. Тот, ничего не подозревая, развёл их и сделал соответствующую запись в метрической книге. Вскоре обман раскрылся. Мухаметсадык Габдулвалиев не давал жене развода, что и стало причиной её отчаянного поступка. В конце концов, пара развелась официально²¹.

Одной из причин развода в начале XX в. являлось злоупотребление мужа спиртным, когда он в нетрезвом состоянии позволял себе оскорблять и даже

¹⁵ Там же, оп. 6, д. 263, л. 1.

¹⁶ Там же, оп. 3, д. 10358, 10359, 10449, 10458, 12213.

¹⁷ Там же, д. 10743, л. 1–2; д. 12228, л. 1; д. 12466, л. 1.

¹⁸ Гаспринский И. Историко-документальный сборник. Казань, 2006. С. 129.

¹⁹ Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. 1997. № 10/11. С. 98.

²⁰ Гаффарова Ф. Максуди // Гасырлар авазы – эхо веков. 2000. № 3/4. С. 104.

²¹ НА РТ, ф. 41, оп. 4, д. 471, л. 11 об., 26 об. 28.

бить жену. Например, из-за этого распалась в 1902 г. семья потомственных почётных граждан Апанаевых – Габделхамида и Шамсикамар (в девичестве Кулахметова). Впоследствии их дочь – писательница Гайша Шарипова представила семейную драму своих родителей в художественном произведении: «Действительность была сера и ужасна: вечно пьяный муж, изощрённая ругань, побои, оскорбления, тошнотный запах винного перегара, перемешанный с терпким запахом духов и пудры из тех злочных мест, где неделями пропадал молодой супруг. Непонятная робость стариков перед распоясавшимся хулиганом, их униженные просьбы перетерпеть, смириться, подождать – всё это было ужасно. Страх за судьбу матери, стыд перед людьми, чуть не с колыбели внушённое повиновение каждому, кто поставлен выше тебя, всё это железными цепями приковало Шамси к дому мужа»²². Литературное описание дочери подтверждается архивными данными. «Обращение Апанаева со своею женою было вообще очень жестокое, он часто, являясь по ночам домой в нетрезвом виде, иногда даже в сопровождении женщин, глумился над женою, наносил ей побои», – говорилось в прошении присяжного поверенного Саидгарея Алкина, который в суде представлял интересы Шамсикамар²³. На момент развода дочери Апанаевых Гайше было четыре месяца. Но разногласия возникли ещё до её рождения, во время беременности Шамсикамар. За несколько недель до родов пьяный супруг выгнал её ночью из дома, она вынуждена была переночевать у знакомой акушерки Надежды Нелидовой, которая впоследствии участвовала в бракоразводном процессе в качестве свидетеля.

В судебных документах, конечно, не нашло отражение то, что Шамсикамар Кулахметова до замужества была влюблена совсем в другого человека (если верить автобиографическому роману её дочери). Но отец – Юнусу Кулахметов захотел породниться с состоятельной семьёй из известного рода Апанаевых. Дочь не стала противиться воле родителя. Развод с ненавистным мужем-пьяницей женщина откладывала специально до рождения дочери, так как боялась, что бывший муж не признает ребёнка²⁴. Шамсикамар Апанаева просила развод и деньги на содержание дочери – по 25 руб. в месяц вплоть до её совершеннолетия или замужества. В ответ на её иск Габделхамид написал встречный иск, в котором просил оставить ему дочь Гайшу. Он заявил, что жена «ушла самовольно», что он не «чувствует за собой никакой вины и нравственно страдает от разлуки с ребёнком»²⁵. Одним из аргументов адвоката Шамсикамар Саидгарея Алкина было то, что «по шариату дочь всегда живёт при матери». Но вряд ли ссылка на мусульманское право стала решающим фактором в её пользу. Гражданский суд обращал внимание прежде всего на моральные качества родителей. Многие засвидетельствовали, что отец ребёнка ведёт довольно праздную жизнь, часто становится героем городской «судебной хроники».

Хоть Габдулхамид и пытался указать в качестве причины раздора «узкомагометанские взгляды» супруги, из-за которых она запрещала ему общаться даже с родственницами и изводила ревностью, защита сразу опровергла это заявление, обратив внимание суда на то, что она «напротив, вполне интеллигентная» и до замужества работала оспопрививательницей. Действительно,

²² Шарипова Г. Семья Гафура. Алма-Ата, 1969. С. 245.

²³ НА РТ, ф. 41, оп. 3, д. 1887, л. 2.

²⁴ Шарипова Г. Указ. соч. С. 249.

²⁵ НА РТ, ф. 41, оп. 3, д. 1887, л. 5.

Шамсикамар выросла в довольно европеизированной татарской семье разорившегося предпринимателя Юнуса Кулахметова. Он владел мыловаренным заводом в Пензенской губ., но вынужден был продать предприятие. После этого семья жила в Саратовской губ., потом перебралась в Казань. Юнус Кулахметов работал наёмным управляющим на различных заводах²⁶. Братья Шамсикамар учились в Казанской татарской учительской школе, один из них – Гафур Кулахметов стал известным публицистом и писателем. Её сестра – Суфия Кулахметова окончила медицинские курсы в Санкт-Петербурге и вместе с братом активно поддерживала социал-демократов. Шамсикамар была одной из первых татарских «феминисток». Эти женщины не скрывались от мужчин в женской половине дома, посещали публичные мероприятия, получали светское образование, стремились к независимости. Женщина более традиционных воззрений проявила бы большую терпимость к недостаткам мужа. Шамсикамар же сразу после развода вернулась к прежней должности оспопрививательницы при городской амбулатории.

Во время гражданских судебных разбирательств Габдулхамид Апанаев пытался воздействовать на жену через Оренбургское магометанское духовное собрание. В апреле 1902 г. он подал прошение с просьбой сделать распоряжение, чтобы муллы Абдулбадигов и Сагитов уговорили его супругу вернуться к нему. По словам просителя, супруга ушла от него к своему отцу, «не имея ни в чём нареканий, никакой обиды». Хотя он сам несколько раз просил её вернуться, Шамсикамар осталась непреклонной²⁷. После развода, с присуждением ежемесячных алиментов на содержание дочери Гайши, в конце 1902 г. в окружном суде было заведено ещё одно дело, также по инициативе Шамсикамар Апанаевой. В этом заявлении женщина просила у бывшего мужа ежемесячные алименты в размере 30 руб., поскольку «совместное проживание супругов» невозможно именно по его вине. Судебное разбирательство с проверкой показаний свидетелей и вызовом последних на допросы затянулось на несколько лет. В июне 1905 г. адвокат Саидгарей Алкин попросил закрыть дело потому, что сторонами было заключено мировое соглашение²⁸. В дальнейшем, вероятно, бывшие супруги никак не поддерживали отношения. Их дочь звала «батенькой» своего дядю Гафура Кулахметова²⁹. Она училась в Казанской женской гимназии, некоторое время обучалась на медицинском факультете Казанского университета, в советские годы стала писательницей и переводчицей³⁰.

Вообще такого рода иски с требованием денег от бывших мужей «на содержание» детей на рубеже XIX–XX вв. не были для татарского общества большой редкостью³¹. В основном судились за право получения алиментов женщины из менее состоятельных семейств. Иногда они требовали возврата калыма³². Так, например, в 1884 г. казанская мещанка Шамсениса Кадыкова решила через Казанский окружной суд взыскать с бывшего мужа мещанина Якупа Кадыкова 300 руб. калыма. Дело было оставлено без рассмотрения из-за того, что одновременно разбиралось и у мирового судьи³³.

²⁶ Салихов Р. Две жизни Гафура Кулахметова // Время и деньги. 2004. 26 ноября.

²⁷ ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 262, л. 1–14.

²⁸ НА РТ, ф. 41, оп. 3, д. 1875, л. 13.

²⁹ Коләхмәтов Г. Яшь гомер. Казан, 1981. Б. 218.

³⁰ Писатели Казахстана 1917–1967. (Справочник). Алма-Ата, 1969. С. 353.

³¹ НА РТ, ф. 41, оп. 3, д. 1789, 2101.

³² Там же, д. 5851, л. 1; ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 11265, л. 1; д. 12834, л. 1.

³³ НА РТ, ф. 41, оп. 3, д. 719, л. 3–3 об.

Мужья предъявляли иски другого порядка. Например, грозились отобрать детей или призывали к «совместному сожительству», т.е. требовали возвращения убежавшей жены³⁴. Порой мужья прибегали к самым неординарным мерам. Например, в 1890 г. житель Тетюшского уезда Казанской губ. Хамидулла Бакучев подал прошение на имя казанского губернатора с просьбой вернуть законную жену Минсылу Хамзину домой. Она «против его воли» уехала в Казань и, по словам мужа, «укрывается в доме тайной проституции, находящейся в 4-й части» в Суконной слободе у некой Чаршав-Биби Мухутдиновой, которая «не даёт возможности увидеться с женою, что крайне оскорбительно». Однако проверка казанского полицмейстера выявила, что Хамзина и Мухутдинова занимаются «шитьём чаплашек» и «в тайной проституции не замечались». Бакучева (Хамзина) предъявила полиции новый паспорт сроком на один год, и к ней уже не было со стороны правоохранительных органов никаких претензий³⁵.

Документальная привязанность женщин к паспорту мужей являлась весьма существенным фактором по ограничению их передвижений и волеизъявления. Однако на рубеже веков заметно усилилось влияние общей эмансипации женщин. Например, в русском обществе замужние дамы всё чаще добивались разрешения на отдельное от мужа проживание. Формально они состояли в браке, но фактически были разведены³⁶. «Самовольные уходы» жён от мужей случались и в мусульманской среде. Такие эпизоды неоднократно отмечены среди татар ещё в 1870-х гг.³⁷, но не учитывались официальной статистикой. Видимо, к началу XX в. этот вопрос превратился в столь острую проблему, что в 1914 г. был принят закон о праве супругов на раздельное проживание, но самое главное – изменились требования паспортного режима. Теперь женщины могли передвигаться и без разрешения супругов³⁸. Так, например, в 1914 г. старшая дочь купца Габделкарима Юнусова Марьям ушла от мужа Шарафетдина Хусаинова, отпрыска знаменитых оренбургских купцов. Женщина страдала от неизвестного заболевания и безрезультатно лечилась у многих специалистов. Во время болезни жены Шарафетдин увлёкся другой женщиной. В результате Марьям вместе с сыном переехала к родителям. Её формальный муж в то время начал сожительствовать с новой возлюбленной. Габделкарим Юнусов в своих мемуарах писал, что к этому времени «кум Мухаммет тоже умер». Вероятно, он мог бы как-то повлиять на поведение сына³⁹.

Схожая, но более драматичная история произошла в другой известной купеческой семье в 1912 г. После 15 лет брака, имея троих детей, развелись супруги Ибрагим и Махубзямал Апанавы. В этой семье жена долгое время страдала от туберкулёза. По свидетельству многих людей из их окружения, муж всегда заботился о ней. Но по словам самой Махубзямал, в октябре 1911 г. муж «без всякого повода с моей стороны, выгнал меня из дома, оставив детей при себе»⁴⁰. Женщина просила судебные органы помочь вернуть её детей. Дочерям при этом было 12 и 10 лет, младшему сыну-грудничку – всего 6 месяцев. В ходе разбирательств некоторые свидетели высказали мнение, что Ибрагим

³⁴ Там же, д. 1598, 1772.

³⁵ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 7944, л. 3–5.

³⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 176.

³⁷ ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 9628, 9632, 9639.

³⁸ Пиетров-Эннкер Б. Указ. соч. С. 93, 96.

³⁹ Юнусов Г. Указ. соч. С. 128.

⁴⁰ НА РТ, ф. 41, оп. 3, д. 4266, л. 1.

вёл «дурной образ жизни» и имеет сожительницу, что служит основным поводом разлада в семье. Некоторые знакомые жалели о том, что нет в живых отца Ибрагима – Исхака Апанаева, который всегда держал сына в строгости и не допустил бы развода. Обращает на себя внимание то, что Махубзямал – дочь троицкого купца Галиуллы Уразова (Оренбургская губ.) не просила денег на содержание себя или детей, основным её желанием было лишь проживание вместе с детьми. Однако суд решил иначе. Большинство свидетелей давали Ибрагиму весьма положительную характеристику, и после развода детей оставили с ним. Рекомендация Оренбургского магометанского духовного собрания о том, что дочери должны проживать с матерью до наступления половой зрелости (до 15 лет), а сыновья до 7-летнего возраста, не имели никакой силы. Не учли в суде и желание старших дочерей жить с матерью. Основным аргументом в пользу бывшего мужа стало то, что жена страдала туберкулёзом⁴¹.

Аналогичные дела, где в центре супружеских разбирательств оказывались совместные дети, рассматривались и в Оренбургском магометанском духовном собрании, и в окружных судах разных городов. Например, в 1916 г. житель Уфы Гайфан Нугуманов намеревался отобрать у бывшей жены дочь Савию. Мать ребёнка отчаянно сопротивлялась⁴². Женщины обычно пытались в таких случаях сослаться на требования шариата, по которому девочки должны получить, прежде всего, материнское воспитание⁴³. Но чаще всего бывшие мужья не хотели платить алименты на детей и жену, поэтому настаивали на отцовском воспитании.

Конечно, при таком раскладе, когда известные религиозные правила не работали, для женщин как никогда актуальным становился вопрос об эмансипации, о финансовой самостоятельности. Для этого им нужна была соответствующая профессиональная квалификация, образование. Такие женщины, сдававшие экзамены по учебному курсу гимназий, появились в начале XX в., и им, конечно, было проще устроить свою судьбу даже в случае развода. Развелась с супругом знаменитая Мухлиса Буби, преподававшая в женских медресе, а потом уже в советские годы ставшая первой женщиной-казыем (судьёй) в Оренбургском магометанском духовном собрании в Уфе⁴⁴. Другая дама со схожей судьбой – Фатима-Фарида Вагапова-Наурузова – работала учительницей, помогала мужу Вагизу Наурузову издавать газеты «Сибирия» (Томск) и «Тормыш» (Уфа), но сохранить семью у неё не получилось⁴⁵.

Порой причиной разводов оказывались неоправданные ожидания в браках по расчёту. Например, 5 июня 1906 г. в газете «Казан мохбире» (№ 95) была опубликована статья «Как татары оставляют жён». Её автором являлась женщина по имени Мунира, бывшая жена муллы второго прихода с. Муслим Чистопольского уезда Казанской губ. Муниру родители выдали замуж за молодого муллу. Отец девушки был человеком среднего достатка, но супруг очень рассчитывал поправить своё материальное положение при содействии тестя. Он потребовал от жены тарантас с лошадьё и новый дом. Вслед за требованиями последовали оскорбления и побои. В результате (очевидно, не получив

⁴¹ Там же, л. 86.

⁴² ЦИА РБ, ф. И-334, оп. 1, д. 744, л. 2–5.

⁴³ Там же, ф. И-295, оп. 5, д. 18, л. 3–5.

⁴⁴ Педагоги Бобинские и Иж-Бобинское медресе. Казань, 1999. С. 7.

⁴⁵ *Махмудова А.Х.* Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). Казань, 2006. С. 141.

желаемого имущества) муж развёлся с Мунирой. Женщина с грудным ребёнком осталась одна⁴⁶.

Вероятно, именно этот случай стал основой сюжета рассказа «Зять» популярного писателя начала XX в. Гаяза Исхаки. Вообще семейные конфликты в своих литературных произведениях Исхаки чаще всего разрешал при помощи разводов. Если в одних случаях (например, рассказ «Зять») это было результатом созданного родителями брака, где одна из сторон преследовала лишь меркантильные интересы, то в других (роман «Нищенка») речь идёт как о мировоззренческих разногласиях супругов, так и о феминизации татарской женщины. Она уже отказывается терпеть, жить в семье и выбирает свой путь. Альтернативой семье, по мнению Исхаки, были получение женщиной образования и самостоятельная жизнь. Например, в романе «Нищенка» героиня Сагадат проходит путь от уличной попрошайки до студентки Петербургского университета⁴⁷. Но данный призыв писателя был малоубедителен в дореволюционной действительности. Все же эмансипированные женщины были большой редкостью в обществе, где преобладали патриархальные традиции.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. разводы являлись частью повседневной жизни татарского мусульманского общества. Это было обусловлено как особенностями вероисповедания, допускавшего намеренное расставание супругов⁴⁸, так и темпами развития российского общества, где менялись нравственные устои, нарастали асоциальные явления, распространялись идеи феминизма, появились новые профессиональные возможности для самореализации женщин. Татарские девушки, до конца XIX в. обучавшиеся у жён мулл, на рубеже веков могли поступать в специальные учебные заведения для мусульманок, открывавшиеся различными благотворительными обществами. С 1913 г. в Казани действовала первая татарская женская гимназия Фатыхи Аитовой. Если ещё во второй половине XIX в. альтернативой разводу могла быть повторная женитьба мужа, то к началу следующего века образованные татарки настаивали на моногамных семейных отношениях. Безусловно, в татарском обществе развод и в начале XX в. рассматривали лишь как крайнюю меру, когда совместное проживание супругов было совершенно невыносимо. Особенно нежелательным считался он для женщины, которой в отличие от мужчины сложнее было устроить свою дальнейшую судьбу.

⁴⁶ Коләхмәтов Г. Указ. соч. С. 304.

⁴⁷ Исхакий Г. *Әсәрләре*: 15 томда. Т. 3. Казан, 2001. Б. 5–220.

⁴⁸ «В исламской религии нет призыва к разводу, – писал в начале XX в. уфимский богослов Зия Камали. – Лишь, исходя из соображений пользы, для человеческого сообщества она вынуждена была сделать развод допустимым, неосуждаемым актом. Передав право на развод в руки мужчин, она в определённых случаях и при особо оговорённых ситуациях предоставила его женщинам. Поэтому все явления, имеющие место в мире ислама, как то: бесправное положение женщин, многочисленные разводы, проблемы, омрачающие жизнь семьи, – всё это выходит за рамки ислама. Раз так, то причиной этих проблем является невежество нашего народа, его неумение пользоваться законами, которые имеются в шариате» (Камали З.Д. *Философия ислама*. Т. 1. Казань, 2010. С. 212).